

Извращенность 2

Местиюкие
сердца

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей
НАСТ

Алексей Наст

**Извращенность 2.
Жестокое сердца**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Наст А. Н.

Извращенность 2. Жестокие сердца / А. Н. Наст — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2425-7

Сергей прилетел в Америку, как компьютерный гений, и попал в тюрьму. Наташка приехала в США, чтобы стать танцовщицей, а угодила в ад! Где же ты, Американская мечта?! В России!... Дальнейшая судьба героев романа "Извращенность". Непредсказуемый сюжет, жесткие криминальные разборки и, конечно, любовь! Там, где мафия, там всегда кровь и любовь! Приключения в США, Мексике и морозной России. Роман составляет дилогию вместе с романом "Извращённость". Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2425-7

© Наст А. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

вающим целебным эффектом. Как было приятно возлежать на скрипящих чистотой цветных простынях и ощущать в трусах, что твой пенис тщательно вымыт и сам ты эталон стерильности.

–Брось, Паша, – Самуил, держа сигару всеми пальцами руки, старательно трудил губы, вытягивая из неё вкуснейший никотин. Пыхнув дымом (хорошо пыхнул, эффектно) Самуил прищурился. – Пенис – так говорят американцы.

Шофер, услышав слово «пенис», одобрительно оскалился и закивал головой (ни черта не понимал по-русски). Самуил не смотрел на него.

–Русские говорят член... Даю тебе слово, Паша, твой член в той дыре, куда мы едем, скучать не будет! Я тебе куплю таких американских девочек, хоть белых, хоть цветных – закачаешься!

Паша не поверил:

–У нас в Москве можно всяких американских девушек отыметь, и белых, и цветных! Зачем сюда было ехать? У нас дома круче можно было оторваться.

–Дома! Дома! А тебе ничего не интересно, да? – окрысился Самуил. – Что вы за люди такие?!

–Нормальные люди, – тихо буркнул Паша, но Самуил услышал.

–Заткнись! – сказал он, нажимая голосом. – Сказал, тебе понравится, значит, понравится!

Фамилия у Самуила была Боголов. Отчество – Дармалович. Отец его был бурят – Дармала Боголов. Родился Самуил в пригороде Иркутска. Мать Самуила, красивая чернокудрая еврейка, разродившись с трудом, и поймав сепсис в нестерильном сельском фельдшерском пункте, вырвала клятву у плачущего Дарьки Боголова, что сына он назовёт Самуил. Она покормила младенца всего раз, а после, прижав к себе, рыдая, умерла от заражения крови.

–Самуил, мальчик мой ...

Самуил ехал сейчас в открытом авто, ветер жег лицо горячим вкусом чужой земли, дым сигары ел глаза. Ему казалось, что он помнил свою мать и эти её слова. Все говорили, что это его фантазия. Не может человек помнить то, что происходило с ним на вторые сутки от рождения. В интернате пацаны над ним смеялись за эту память и часто били. А он точно помнил, что мать плакала, когда его принесли и вручили ей в руки – беспомощную личинку, зародыш человека. Зародыш. Через пятьдесят один год этот зародыш хапнул свой первый миллион баксов. Сейчас, в пятьдесят шесть у него их сто восемьдесят. А жизнь всё равно осталась дерьмом.

Семьи нет.

У него никогда не было семьи. Мать умерла, так и не оправившись от родов. Отец, завхоз какого-то там агрокомплекса, умело воруя, сумел обеспечить сыну воспитание в Ленинградском интернате (понятно, за большие взятки). Тогда, при Советском Союзе, по какой-то там плановой разнарядке, все «коренные народы» Якутии и Дальнего Востока жили в интернатах и поступали, именно, в институты города на Неве, колыбели Ленинской революции... Потому и Самуил оказался в Ленинграде, но отцу приходилось приплачивать, чтобы сына не гнобили... Кстати, отца убили тувинские трактористы. Что-то он им однажды не выдал, какую-то деталь для трактора. Шарахнули в лоб увесистой монтировкой...

Самуил, глубоко вздохнув, качнул головой, сильным щелчком отправил окурок сигары в клубящуюся за машиной дорожную пыль.

Ему всегда было плохо в интернате. Зачем отец держал его далеко от себя? Детство – чёрная полоса жизни. Может быть, будь они вместе, ничего бы с отцом не случилось там, в Иркутске, тогда, сорок шесть лет назад.

Мать-еврейка, отец-бурят. А вырос Самуил русским. У него и в свидетельстве о рождении так значилось: Самуил Дармалович Боголов – русский.

Когда кто-то из русских пытался называть его евреем, он сразу бил ему в лоб увесистым кулаком. Когда кто-то из евреев намекал, что он не еврей, он поступал точно также. Самуил,

Сергей Аксёнов родился в России. Он был русский.

По паспорту он был американцем уже давно – пять лет. А всему виной – виртуальная реальность.

В Подмоскowie прошло его становление, как человека разумного. Мало того, что там он элементарно родился, был воспитан и получил образование, но там, и это самое главное, он познакомился с компьютером, умной машиной, которая перевернула его жизнь с ног на голову. Виртуальная реальность стала для него родной средой – он выныривал из сети только, чтобы поесть и сходить в туалет. В родном городе, в молодежной среде, Сергей слыл личностью с большой буквы.

–Поверь, старик, тебе прямая дорога в Штаты, там ты будешь купаться в долларах и сделаешь карьеру гения-программиста!

Собственно, общественное мнение и подтолкнуло Аксёнова устремиться в Америку.

В бюро, рекрутировавшим специалистов для работы за границей, Сергею расписали заманчивые перспективы, ожидающие его в американском бизнесе.

–Молодой человек, русские программисты в США на вес золота, – картаво излагал Сергею менеджер агентства.

Аксёнов подписал контракт, вручил долларовую наличность агенту – все сбережения матери – (Сергей и старший брат Иван росли без отца), и погрузился в мечты – отлёт в США был обещан в течение месяца. Сергея не обманули (всё-таки агентство располагалось в центре города и работало совершенно легально). Его привезли в США, в штат Техас, в город Даллас, поселили в квартире. Местный агент разослал резюме Сергея по компьютерным компаниям и велел ждать, посетовав, что было бы неплохо знать английский язык и иметь американское гражданство, а не рабочую визу с ограниченным сроком пребывания. Через неделю Сергея подобрала одна сомнительная компания, где работали иммигранты из бывшего СССР, в основном евреи.

Белокурая сорокалетняя стерва назначила Сергею собеседование и на нём жестко объяснила, что к чему. Агентство по найму обмануло бедного русского юношу – программисты из России в Штатах никому не нужны. Это правда, а всё остальное – легенды, бытующие в среде русскоговорящих компьютерщиков.

–Русские спесивы, самоуверенны, все считают себя гениями. А нам нужны обычные исполнители. Не надо придумывать свой путь решения задания, пусть и оригинальный – всё уже придумано и рассчитано. Не знаешь – спроси. На работе надо работать, а не сочинять личные программы и вирусы!

Звали стерву Лиз Сорнофф. Она назначила Сергею испытательный срок, а вечером, после работы, подвезла на своём авто домой. Посмеявшись, в каких условиях держали агентства «дурачков» из России, она, тем не менее, осталась ночевать. Хоть и пишут газеты, что в Америке приставания на работе невозможны, Сергей убедился, что в Америке возможно всё. Сергей, пересилив себя, как следует порадовал её своим языком и это решило его судьбу – Лиз Сорнофф, специалист по кадрам, оставила его в компании, тем более, что резюме у парня было отличнейшее, а за компьютером он прямо-таки творил чудеса.

–Тебе надо снять нормальную квартиру и жениться на американке, чтобы получить гражданство, – учила она Сергея. – И вызубри английский. Если хочешь хорошо жить.

Сергею понравилось в Америке – работа, о которой он мечтал, зарплата еженедельно, квартира, машина (купил самую дешёвую уже через месяц после приезда). Правда, приходилось часто пускать в дело язык, ублажая потрёпанную Лиз Сорнофф, и заниматься с ней анальным сексом, чего Сергей терпеть не мог. Это было даже хуже, чем первое удовольствие, которое он ей устраивал. И самое мерзкое во всём этом, было то, что Лиз отказывалась от

близости с использованием презерватива, а Сергей знал, что кроме него Лиз шустрила ещё с десятком молодых и не очень сотрудников компании.

«Так и спид не долго подхватить», – вертелось в голове.

Спасла Сергея от Лиз скороспелая женитьба. Бекки Конэл не походила на писанную красавицу, но она была молода, а родословную вела от первых колонистов. Сергей переселился к жене – она уже десять лет жила в двухкомнатном домике, за который предстояло рассчитываться по кредиту, наверное, и внукам. Потом Сергею устроили американское гражданство по какой-то там поправке к какому-то там закону.

–Всё получилось! – Сергей водрузил американский паспорт в нагрудный карман своей рубахи. Дальше предстояло преуспевание и сладкая жизнь. Иначе и быть не могло – английский он уже знал не плохо и всем встречным и поперечным, улыбаясь, говорил:

–Как дела?

Через полгода его компания вошла в базу данных Техасского Кредитного банка по программе Сергея, и перекачала несколько десятков миллионов баксов в оффшорную зону на экзотических островах. Владельцы-евреи, тихо посмеиваясь, бежали вслед за деньгами.

Сергей сел в тюрьму. На два года.

Все два года он, с великими ухищрениями, спасал свою задницу от свирепых пожилых негров, которые таким способом боролись с белым расовым засильем. По слухам, Сергей знал, что в местах заключения с белыми не церемонились, и уберечься от афроамериканской любви было совсем не просто. Но он был русским, и ухищрялся выкручиваться из самых щекотливых ситуаций. Иногда ему просто везло.

Жена не собиралась терпеть отсутствие мужа целых два года – она объявила Сергею развод и уехала с очкастым библиотекарем в Луизиану.

Униженный и опустошенный, совершенно раздавленный жизнью, Сергей вышел из тюрьмы с тощей кредиткой и клеймом отбывшего заключение преступника – пять лет он не имел права работать в компьютерном бизнесе. Сергей не сомневался, что и по прошествии моратория, ему вряд ли дадут работу у монитора.

У него теперь было два пути – совершить новое преступление и снова сесть, чтобы негры не особенно скучали, и остаться изгоем – работать полотёром, грузчиком, заправщиком, снимать комнатку в грязном многоквартирном доме и топить мысли в дрянном виски.

Купив билет на междугородний автобус, Сергей приехал в Калифорнию. В Лос-Анджелесе его никто не ждал. Проработав два года полотером и мойщиком посуды в одном из дешевых кафе, он снова влез в историю – местным пьяницам он чем-то не понравился. Его избили два раза. Третьего раза он ждать не стал. Так он оказался на пять миль южнее отвратительной дыры у мексиканской границы, именуемой Пасифик-Сити. Именно здесь располагалась последняя, перед границей, заправка. При этой заправке, в дощатом сарае с вывеской «мотель», он поселился. Хозяин заправки, вредный старик, любитель выпить и покурить, пообещал кормить, поить, иногда давать деньги.

–Вижу, парень, ты не в ладах с законом, – назидательно погрозил он пальцем.

–Почему вы так думаете?

–Старика Крэнка не проведешь. Но мне плевать. Если есть закон, кто-то с ним должен быть не в ладах. Здесь мексиканская граница и понятие закон очень расплывчатое. Как мне тебя звать?

–Сэм, – в Америке все звали Сергея Сэм.

–Значит, договорились, Сэм. И учти, если окажешься прохвостом – отправлю за решетку. Шериф Ларкинс мой старый друг. Такой же пьяница, как и я.

И Сергей остался на заправке. Он стал, не то, что рабом – в этой пустынной дыре с пыльными ветрами, жалеющих заправить автомобиль и помыть его, было не много, но жил он не свободно – старик помыкал им и воли не давал. Даже в Пасифик-Сити не отпускал.

думала, что самым разумным было бы прямо сейчас доехать до Мексики и ехать ещё дальше, в саму Мексику, там добраться до курортного побережья и постараться подцепить какого-нибудь богатенького доктора или юриста, и быстро выйти за него замуж...

Наташка улыбнулась. Тот русский пожилой дурак – Самуил, который пялил её в малышку десять минут, а остальные полчаса рвал её анус, он ведь, на полном серьёзе, предложил стать его женой. Урод. Наташка передёрнула плечами. Ежедневно он будет трахать её в анус – да она умрет на третьи сутки от такой супружеской жизни. И Карлос ублюдок – владелец бара. Он не предупредил Наташку, что русский мужик извращенец и больше любит вставлять в анус, чем куда положено. Этот русский, видимо, и мальчиков не пропускал. Козёл старый.

Натёртый анус горел, словно туда зарядили тубик соуса чили. Наташка утопила педаль тормоза. Повеситься от такой жизни, больше нечего – все мужики козлы. Говорят, что любят, а потом лапают за сиськи, трахают и лучше не думать, что вытворяют, особенно пьяные. Сплошные ублюдки! Что американцы, что латиносы, что русские. Ещё Карлос собирался дать ей только сто пятьдесят баксов. Наташка возмутилась его наглой ухмылке.

–Двести, Карлос! Не меньше! Ты не предупредил меня, что русский ползет в мой анус!

–Он драл тебя в попу?

Ублюдок. Наташка еле сдержалась, чтобы не влечь Карлосу пощечину.

Карлос достал из нагрудного кармана рубахи сотню, потом ещё пятьдесят.

–Если Антон узнает о твоём промысле... – заговорил он, посмеиваясь.

–Он отрежет тебе яйца и заставит их съесть, – закончила Наташка, вырвала из руки Карлоса сотню, потом влезла в его карман и достала вторую. – Двести! Даже этого мало!

–Га-гха. Так, может, порадуешь моего иноходца? – Карлос нагло заиграл глазами и добавил доверительно:

–Получишь ещё сотню.

Наташка презрительно показала ему палец.

–Пошел ... ! Я не шлюха!

–Русскому ты дала!

–Он обещал на мне жениться.

–Га-кха-мха-га-а.

Наташка тоже засмеялась вслед за Карлосом. Пряча деньги себе между грудой, торчащих упругими шарами в вырезе блузки, добавила.

–Он богач.

–А я? У меня есть бар!

–Засунь свой бар себе ...

Карлос возмутился.

–Как ты разговариваешь с боссом? Ты работаешь на меня!

–Карлос, здесь все работают на Антона.

Наташка нажала на педаль газа – машина тронулась с места, быстро набрала скорость. Да, в этих местах все работают на Антона и его банду. Может, действительно, согласиться на предложение русского? Он обещал завтра снова найти Наташку, обещал подарить колечко. Она возьмёт кольцо и уедет с русским навсегда из этой дыры.

Надо только узнать, куда русский хочет увезти её. Если в Россию, то нет – там холодно, там медведи и мафия. А Наташку от мафии и гангстеров уже воротит. Она сбежит и от русского. Да, надо бежать, бежать отсюда. Как было бы здорово уехать с тем красивым парнем с заправки! Как в романтическом фильме – они угоняют машину, грабят гангстерскую кассу и сбегают с деньгами, потом живут счастливо, в своё удовольствие. Занимаются любовью. Не трахаются, а именно занимаются любовью.

Через десять миль был пограничный пост. Будка американской таможни, белая разделительная полоса на дороге и дощатый сарай, где пила текилу мексиканская пограничная стража.

Там начиналась Мексика. На высоком шесту пыльный ветер трепал красно-бело-зелёный флаг с гербом. И если американцы проверяли водительские права выезжающих, то мексиканцы просто махали рукой – проезжай.

Наташка вздохнула. Было бы здорово сейчас ехать не останавливаясь, пересечь пограничную линию, показать идиоту Антону палец, так же, как она показала Карлосу – пошел ты ... Наташка усмехнулась, но покорно нажала на тормоз перед развилкой и свернула на каменистую дорогу к ранчо Стефания.

Это только так говорилось – ранчо Стефания. На самом деле здесь стояли на фундаментах несколько больших автофургонов, уже подёрнутых ржавчиной и жил сторож – сорокалетний, не бритый мексиканец Альфредо. По большому счёту, брать здесь было нечего, но иногда из Мексики сюда переправляли контрабанду и товар прятали в фургонах, пока за ним не прибывал курьер Антона. О ранчо Стефания знали пограничники, знал шериф Ларкинс, но все они были в доле с Антоном. Наташка снова усмехнулась – здесь везде Антон. Все ему платят, а он платит власти, чтобы эта власть покрывала его беспредел.

Сегодня вечером, сразу после тяжелого секса с русским кабаном, Наташке на сотовый позвонил Антон, и велел ехать сюда, на ранчо Стефания.

Наташка затормозила у фургонов, заглушила двигатель, вынула ключ. Только бы не заставил трахаться. Сейчас о сексе она не могла думать. Она подбросила на ладони ключи от машины. А чтобы она сказала, если бы тот красавчик с заправки сделал ей очень непристойное предложение, прямо сейчас, здесь, среди фургонов? О-ля-ля.

Наташка вышла из своего рыдвана. Под ногами хрустели острые камни. Она направилась к дальнему фургону, у которого стояли два «мерседеса» Антона. Сторож Альфредо, возникший из-за угла, загадочно ухмыльнулся, закурил, ничего не сказав. Чтобы это значило? В её визиты сюда, он любил с ней перекинуться словечком.

Из фургона вышли два дуболома, сели в машину.

Наташка возмутилась. Что с ними? Слово она пустое место! Уже совсем ни во что её не ставят!

Вдруг её озарила мысль – может, Антону каким-то образом стало известно о её подвиге с русским? У Наташки похолодело в груди. Дура, польстилась на две сотни баксов, и теперь умрёт!

Немая от страха, она поднялась по ступенькам и вошла внутрь фургона.

Антон сидел за чистым столом. В его глазах искрился гнев. Его дуболомы сидели перед телевизором в маленькой комнатке за перегородкой.

– Приехала?

Как же он всё-таки узнал? Наташка старалась быть спокойной.

– Как видишь.

– Ты е...ась с туристом!

– С ума сошел! – Наташка покраснела, но Антон вдруг расслабился – он принял этот румянец стыда за всплеск праведного негодования. – Ты достал меня своей ревностью! Если мне не веришь, спроси у Карлоса!

– Вы заодно с Карлосом. Когда-нибудь я поймаю вас и убью обоих.

– Тебя так волнует моя верность тебе? Тогда, заведи меня из стриптиза, где я верчу задницей перед пьяными ублюдками! – Наташка поняла, что Антон просто дурил, и о русском ничего не знал, потому надо было давить на него до конца, чтобы последние подозрения рассеялись в его мозгах.

– Я не желаю лишать тебя твоей свободы. Ты делаешь, что хочешь и живёшь, как хочешь. И зарабатываешь сама, а не смотришь кому-то в рот. Даже мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.